

ИСТОРИЯ ОДНОГО
АДВОКАТСКОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ

Пресс-релиз городского суда:
«Пресс-служба городского суда выражает серьезную озабоченность в связи с прозвучавшими в эфире заявлениями адвоката Горгадзе Ш. О. о какой-либо возможной пристрастности судей городского суда при избрании меры пресечения в виде залога лицу, обвиняемому в организации заказного убийства! Да, обвиняемый сразу после освобождения из под стражи покинул территорию РФ. Да, после его освобождения были убиты два ключевых свидетеля. Но пресс-служба суда не связывает эти события между собой и обращает внимание адвоката Горгадзе на недопустимость клеветы в адрес городского суда!»

«Смерть близко!
Пойдемте любоваться сакурой».

Яэто Седзи

Одна секунда

Если верить Терри Пратчетту, коты бывают или настоящими, или нет. С адвокатами в целом та же история. Или да, или нет. Без «может быть», «как говорится», «так сказать» и «это как посмотреть». Как ни смотри, третьего не дано: ты — или адвокат, или нет. Потому что мы, извините, — команда. Ложа. Братство. Как у чиновников, только дороже. И опаснее.

Адвокатом стать непросто. Ты можешь быть уже вполне себе известным юристом. Можешь зарабатывать отменно, пользоваться популярностью в определенных кругах, можешь, морща лоб, разговаривать на малопонятном нормальному человеку *lingua juridica*, но, несмотря на внешнюю схожесть, это не будет значить ровным счетом ничего.

Юрист — личность пусть и профессионально модифицированная, но все же еще человек. То есть *argiōi* имеет право на ошибку.

Чего не скажешь об адвокатах.

Возможно, поэтому адвокаты никогда не лгут.

Уверяю вас, нам это просто ни к чему. Зачем? У нас в запасе есть гораздо более безопасный, эко-

номически оправданный, куда более действенный способ скрыть правду, чем это ваше обычное человеческое вранье. На вранье попадешься. Рано или поздно, обязательно. Наш способ скрыть правду нечеловечески прост и эффективен. К тому же он позволяет не опасаться последствий.

И способ этот известен всем, да вот пользуются им единицы! Именуется он умением молчать!

Можно совершенно спокойно находиться в плену любых стереотипов, на выбор. Можно быть сколь угодно предвзятым. Поверхностным, недостаточно углубляться в суть вопроса или, наоборот, быть излишне педантичным и зацикленным на мелочах.

Можно быть непрофессиональным. Необразованным. Невоспитанным. Невоздержанным. Нечистым на руку.

Можно наплевать. О да, можно совершенно безнаказанно плевать на что и кого угодно, презреть любые авторитеты прошлого, будущего или настоящего, будь то понятие или личность, и плевать на нее саму, ее неприкосновенность и свободу самовыражения, на мораль, веру, человеческие и религиозные ценности, политику в общем и — хватило бы терпения — на каждого ее деятеля в отдельности, можно оплевать все социальные лестницы и подъезды к ним, и наплевать, что кругом наплевано.

Можно быть глупцом, подлецом, националистом, гомосексуалистом, гомофобом, русофобом и преспокойно иметь двойное и даже тройное гражданство.

ЛЮБОВЬ К ДЕНЬГАМ И ДРУГИЕ ЯДЫ

Можно иметь в виду всех и каждого и при этом не иметь своего особого мнения, не отдавать долги, не пользоваться зубной нитью, носить мех вместо самих животных, и вообще, быть сколько угодно засранцем — ибо воистину, абсолютная свобода ждет того, кто умеет *молчать!*

Промолчав, не скажешь глупости. Не попадешь в неловкое положение. Не окажешься изгоем. Не солжешь. Однако молчать нужно правильно. То есть так, чтобы никто не заметил, что ты промолчал.

Для этого нужно уметь говорить.

О погоде, коневодстве, внешнеполитической ситуации, ар-деко, реинкарнации, трудностях перевода современного искусства на матерный русский, о политике, деньгах, правах человека и его идеалах, нужно уметь говорить много, вкусно, правильно, убедительно и вовремя, уметь говорить так, чтобы сказать обо всем на свете, кроме правды.

И если обычному человеку или, скажем, юристу не возбраняется время от времени поиметь собственное мнение публично, то адвокату вменяется в обязанность держать его при себе. Всегда. Это, можно сказать, первая заповедь адвоката.

Заповедь, которую я так грубо нарушил.

Впрочем, в ходе произошедшего за последнее время мне пришлось нарушить не только эту, но и многие другие заповеди, табу и законы, включая даже и уголовные: так я перестал быть адвокатом и снова стал человеком.

В погоне за результатом я не был особо щепетилен в выборе средств и, как это водится у людей, не особо задумывался об этом.

Сегодня, здесь и сейчас я особенно остро чувствую свою неправоту. На это, конечно, есть свои причины.

К таковым, например, можно отнести тот факт, что сейчас — четыре утра, воскресенье, а я все еще в офисе. Я люблю свою работу, но не любовь к профессии не дает мне встать с кресла и уйти, дело в том, что я примотан к этому самому креслу с помощью мотка серой строительной липкой ленты. Возразить по существу или даже просто прокомментировать сложившуюся ситуацию я также не в силах: мой рот заклеен этой же лентой, а ко лбу приставлен пистолет (марку не скажу, не очень разбираюсь в оружии).

Замечали ли вы, что время течет как-то по-особенному, когда к вашему лбу приставлен пистолет?

В этом наверняка кроется какая-то таинственная флюктуация, какой-нибудь выверт пространства/времени, ведущий прямиком к пониманию того факта, что все материальное нематериально, бесконечность конечна, а Единая теория поля и Девятая симфония Бетховена — суть одно и то же. Или еще что-нибудь столь же глубокомысленное в духе научно-популярных журналов среднего тиража.

Как бы то ни было, за последние полсекунды я категорически изменил свое мнение относительно

ЛЮБОВЬ К ДЕНЬГАМ И ДРУГИЕ ЯДЫ

структуры времени да и жизни вообще. Теперь я совершенно уверен, что время течет в глубину, а жизнь — это миг между прошлым и будущим, за который мне много раз советовали держаться, да я не слушал.

А кто из нас слушал? Как часто при прочих равных, когда у вас в жизни все хорошо, в вашей голове появляются мысли о мимолетности бытия? То-то и оно. За последние же полсекунды я задался вопросами, задаваться которыми никогда не пришло бы мне в голову, если бы не пистолет возле нее.

Уверяю вас, голова, к которой приставлен пистолет, способна на многое такое, о чем не могут и мечтать обычные головы, по уши погруженные в свое обычное рутинное вялотекущее время. По собственному опыту знаю, что голова, которой касается ствол пистолета, способна на прорыв.

Раньше мне в жизни никак не удавалось остановиться. Да, вот просто остановиться: постоять, посидеть, полежать и прислушаться, присмотреться к миру, в котором я живу. Я все время был занят чем-то, какой-то подготовкой к жизни, к настоящей жизни, которая вот-вот начнется, буквально уже скоро! Только чтобы эта «настоящая жизнь» наступила прямо завтра, ей в жертву необходимо принести «сегодня».

Теперь я наконец-то получил возможность рассмотреть жизнь не торопясь. В частности, я заметил, что человек, который держит пистолет, улы-

Одна секунда

бается. Это было заметно даже сквозь дурацкую черную лыжную шапочку, под которой он скрывал свое лицо.

Улыбка — это хорошо. Я всегда ценил чувство юмора в людях, особенно если они вооружены. Скажу больше: до последнего момента я даже верил, что присутствие чувства юмора в человеке уже само по себе есть панацея от многих осложнений в жизни, включая, возможно, и саму смерть. Ведь даже смерть не так страшна, если над ней как следует насмеяться.

Однако при ближайшем рассмотрении вынужден признать: черта с два! Куда легче высмеять смерть как понятие отвлеченное, философское, к вам лично никакого отношения не имеющее.

С собственной смертью дела обстоят несколько иначе: оказывается, ваше чувство юмора сильно зависит от того, по какую сторону от прицела вы находитесь.

Одна вторая секунды

«Страх смерти хуже смерти, ибо он отравляет жизнь».

Яэто Седзи

Все боятся смерти. Даже адвокаты. И хотя смертность среди представителей нашей профессии относительно невелика (сколиоз и подозрительность гибельны для имиджа, но не для организма в целом), каждому мало-мальски уважающему себя адвокату приходится столкнуться с ситуацией, когда ты вынужден делать выбор между жизнью и смертью.

Поймите меня правильно, сделанный выбор во все не означает, что вы знаете, что выбрали: никто (или почти никто) не выходит из дома умирать. Смерть способна прикинуться делом самым будничным, до оскомины.

Можно выйти за молоком и не дойти, потому что какой-то болван сядет за руль пьяным и выберет именно этот день, час и перекресток, чтобы переехать вас насмерть.

Это может быть сердечный приступ в дорогом фитнес-зале. Или во время секса. Или вместо него. Может наступить смерть от одиночества —

долгая, комфортная смерть, которую многие путают с жизнью. Разные бывают смерти, и у каждой своя стоимость.

Самый доступный класс — самоубийства, недорогие кустарные смерти-поделки, в основном от безысходности и тоски.

За ними идут смерти эконом-класса — от старости, нелепые, случайные.

Есть смерти бизнес-класса — заказные, дорогие, шикарные смерти со снайперами, автоматчиками и взлетающими на воздух автомобилями.

Есть эксклюзивные смерти — это производные от смертей бизнес-класса, но не такие кричащие, не такие яркие, это — спокойные, уверенные в себе смерти класса elite: отравленный букет цветов, чашка чая или поцелуй. Такие аристократические смерти сейчас уже не встречаются.

Бывают смерти показательные. Это — особый класс смертей, в основном смерть предателей и перебежчиков, но не обязательно. Эта смерть — публичное предостережение: предай нас, и ты пойдешь по Таймс-сквер, зайдешь в ночной клуб, случайно снимешь там отравленную полонием проститутку и будешь долго и показательно умирать, а на твоём надгробии напишут: «На память от коллег».

Бывают смерти героические, например, во славу Родины или во имя спасения жизней других людей. Такая смерть как таковой стоимости не имеет, она бесценна и в отличие от других смертей оценива-

ЛЮБОВЬ К ДЕНЬГАМ И ДРУГИЕ ЯДЫ

ется не по тому, «как» и «кто» умер, а по тому — «зачем». Она зачастую бывает малоизвестной, а то и вовсе не известной. Это — смерть вне категорий и, может быть, и не смерть вовсе.

К какой из них отнести смерть от руки убийцы в идиотской лыжной шапочке, я не знаю.

«Лыжник» улыбается и плавно тянет спусковой крючок: я слышу деликатное пружинное «тик».

Одна четвертая секунды

Люди любят говорить.

Вообще и о времени в частности.

Например, в повседневной жизни они часто употребляют выражение «в последнее время».

Глупости. Они не знают, о чем говорят. А я знаю: последнее время — это такое время, по прошествии которого никакого другого больше уже не будет. Никогда.

«В последнее время ...» — говорим мы, и дальше непременно следует какая-нибудь ерунда, вроде: «я сам не свой», «мне что-то не везет» или «у меня давно не было секса».

Нет уж, извините, никакое это не «последнее время». Если хотите узнать, что такое настоящее «последнее время», идите к нотариусу, составьте документ примерно следующего содержания: «Я, такой-то, находясь в здравом уме и трезвой памяти, завещаю все свое движимое и недвижимое имущество на имя (Ф.И.О. вашего злейшего врага) при условии, что такого-то числа, находясь у себя в офисе, ровно в 05.00 умру от выстрела в голову. В моей смерти прошу никого не винить!»